

Вечерние беседы: встречи с прекрасным III

Мало кто из литературоведов посягнет даже на аннотационный перечень статей, исследований, воспоминаний, сборников, монографий, очерков, посвященных Александру Блоку, который убедительно обозначил в литературе целую историческую эпоху. Разве только с Пушкинианой сопоставим их поток.

А самому рассказать о Блоке?... Трудно, невероятно трудно, просто невозможно. Все равно, что переплыть океан. А не лучше ли, думаю я, взять каплю из этого океана? Сам-то Блок говорил: «...найти пылинку дальних стран — и мир опять предстанет странным, закутанным в цветной туман...»

Многие годы я держу перед мысленным взором и такие блоковские слова (из его записей, сделанных в декабре 1906 года): «Всякое стихотворение — покрывало, растянутое на остриях нескольких слов. Эти слова светятся, как звезды. Из-за них существует стихотворение. Тем оно темнее, чем отдаленнее эти слова от текста». Разумеется, каждый по-своему воспримет это «покрывало, растянутое на остриях нескольких слов». Можно толковать его как разные степени овладения мастерством и соотношение между ними как между грамотностью и писательством, между умением и искусством. Но представление о мастерской поэта зависит от представления обо всем его облике, обо всей его жизни и поэзии. И вот в нашем воображении возникает образ поэта, призывающего слушать «музыку Революции» и видящего в метельных волнах вокруг старого фонаря на перекрестке наклоненные вперед фигуры двенадцати. «Музыка Революции!» — вот «острие нескольких слов», на которых растянуто покрывало поэзии Александра Блока.

«Музыка Революции»... Вчитаемся в блоковские строки: поэт слушает музыку, которой «гремит разорванный ветром воздух». Музыку отдаленного оркестра». (Это — по Блоку — «мировой оркестр» души народной). Музыка имеет у Блока более широкое толкование, чем то, которое обычно принято связывать с этим родом искусства. Он, искавший гармонию своей эпохи, имел в виду постоянное напряжение внутреннего слуха, «прислушивание

к отдаленной музыке». Эта «отдаленная музыка» постепенно обретает у поэта исторические контуры, почву, объяснение. И это обретение контуров, почвы, объяснения происходит в ту пору, когда поэт, — уже не в стихах, а в прозе — призывает слушать, всем существом слушать музыку Революции. Он не только обращается к другим. Прежде всего он сам слушает и — слышит.

2207

ЗВЕЗДНЫЕ МИРЫ БЛОКА

Сегодняшнюю беседу ведет поэт
Лев ОЗЕРОВ

Отложим на время блоковские стихи и обратимся к Блоку-прозаику, автору статей, очерков, заметок, и мы увидим, что и проза так же, как и поэзия, жаждет истины во всем — она так же, как и поэзия, беспощадно правдива и требовательна. Она преисполнена неудовлетворенности сущим и отмечена мятежными поисками свободы, счастья, будущего. «Если не жить современностью — нельзя писать». Блок со все возраставшей ответственностью перед собой и перед людьми следовал именно этому принципу.

И коли уж мы заговорили о Блоке-прозаике, пойдем по скрытому туманом тонкому следу поэта. Скупые и выразительные записи его в дневнике и запис-

ных книжках помогут нам это сделать. Немного мы почерпнем сведений из области стихотворной техники, ритмологии, поэтического синтаксиса. Зато увидим глубокие прозрения, тайное тайных мастерства-волшебства. «Дойдя до предела своего, поэзия, вероятно, утонет в музыке», — читаем мы. Слова «музыка», но в ином толковании...

ричное «дробь ...каменя». Душа Блока раскрывается в его поэзии с певучей непосредственностью и открытостью, и если девятнадцатый век устами Пушкина произнес: «Я помню чудное мгновенье», то двадцатый откликнулся: «О доблестях, о подвигах, о славе»... «От Пушкина до Блока». Эта формула стала названием пути, пройденного литературой XIX и начала XX века.

Поэма «Двенадцать», «Ямбы», «Итальянские стихи», «Вольные мысли», «Возмездие», «Скифы», многие другие произведения входят, уже вошли в круг нашего чтения. Без этого наследия мы были бы значительно беднее. А наша литература учится у Блока его умению сочетать стихию и культуру, мятежность и сосредоточенность, уважение к традиции и острое чувство времени.

Это — звоны ледохода
На торжественной реке,
Переключка парохода
С пароходом вдалеке.

В этих блоковских строках так и слышится переключка прошлого с будущим, переключка поэта с теми, кто читает его сегодня. И в том же стихотворении — несколькими строками ниже:

Что за пламенные дали,
Открывала нам река!
Но не эти дни мы звали,
А грядущие века.

Время подтвердило многие, очень многие предсказания Блока. Ошибся он только в оценке своей роли в современном искусстве. В апреле 1919 года он записывает: «Я устарел и больше не имею успеха. Не пора ли в архив?».

Время показало: живое, певучее, глубокое слово Блока не сдается в архив, оно остается в сердце нашей страны, в сердце человечества. Блоковский мир сегодня чудодейственно приближен к нашим глазам. Этот мир — не только метельная ночь революционного начала, это и соловьиный сад, и просторы русских полей, и стремительная мечта о будущем, и вихревая пляска, и звездные миры раздумий.

Как показывают стихи и их варианты, записные книжки, дневники, письма, замысел поэта сперва звучал, возникал из мелодии. Медленно переворачиваем страницы: они как бы поэтические мольберты в мастерской художника. Хочется подумать, остановиться: «Что такое поэт? Человек, который пишет стихами? Нет, конечно. Он называется поэтом не потому, что он пишет стихами; но он пишет стихами, то есть приводит в гармонию слова и звуки, потому что он — сын гармонии, поэт».

И снова беру в руки сборник блоковских стихов. Со времен Пушкина и Лермонтова, Тютчева и Фета мы не слышали таких, как у Блока, ямбов, которые могли бы передавать и «голоса скрипок», и катего-